© Пака В. Т., Воробьёва Ю. В., 2022, Океанологические исследования, 2022, Том 50, № 3, С. 150–171

УДК 551.46.09 DOI: 10.29006/1564-2291.JOR-2022.50(3).9

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ЗУБИНА – УЧЁНОГО-ГИДРОЛОГА, ИСТОРИОГРАФА АТЛАНТИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИО РАН, ПИСАТЕЛЯ (17.11.1932–01.03.2022)

В. Т. Пака, Ю. В. Воробьёва

Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 36,
e-mail: vpaka@mail.ru

В ноябре 2022 г. Атлантическое отделение Института океанологии намеривалось отметить 90-летие своего ветерана – **Александра Борисовича Зубина**, начавшего работать в Отделении в год его основания – в 1958 г. – в стартовом составе его сотрудников. Имея диплом океанолога Ленинградского университета, Зубин прошёл долгий путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника, участника многих крупных научных проектов Института океанологии, направленных на исследование циркуляции и структуры вод Мирового океана. А в последние десятилетия А. Б. Зубин выполнял функции учёного секретаря Отделения. В этой должности он проявил себя как историограф научного учреждения, которому он служил всю жизнь, и талантливый популяризатор славной профессии океанолога. Жизнь и деятельность А. Б. Зубина – это пример бескорыстного служения любимому делу как в период его становления и расцвета, так и в трудные годы снижения активности отечественной океанологии.

Ключевые слова: Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Атлантическое отделение, Лаборатория гидрологии Атлантики, течения, структура вод

А. Б. Зубин как учёный-гидролог и историограф Атлантического отделения ИО РАН

В. Т. Пака

Рис. 1 – Александр Борисович Зубин (фотоархив семьи)

1 марта 2022 г. после продолжительной тяжёлой болезни, осложнённой Ковидом, на 90-м году жизни скончался старейший сотрудник Атлантического отделения Института океанологии Александр Борисович Зубин. Даже уволившись из Отделения, он продолжал работать с архивными материалами и сотрудничать с коллегами, готовя новые публикации о работах Института и о жизни тех, кого в шутку и всерьёз именуют «учёными-такелажниками». Будучи одним из тех, кто был связан с Александром Борисовичем и по работе, и по жизни, я не могу не воспользоваться возможностью оставить в память о нём несколько страниц в журнале, который

читают океанологи, и стар, и млад. Именно А. Б. Зубин был первым, кого я увидел, открыв 2 марта 1959 г. дверь в некоем учреждении и спросив – это КОМГИ? (Калининградское отделение Морского гидрофизического института АН СССР) – и получил подтверждение. Так и тогда состоялось наше знакомство.

Зубин Александр Борисович родился 17 ноября 1932 г. Отец – Зубин Борис Михайлович – был инженером-изыскателем по строительству железных дорог. До Великой Отечественной войны работал и жил в Москве, но большую часть времени проводил в экспедициях на Дальнем Востоке. Участвовал в строительстве Комсомольска-на-Амуре. В июне 1941 г. ушёл на фронт. После войны остался в рядах Советской Армии, служил в инженерных частях. Мать – Зубина (Иваницкая) Вера Александровна – до войны работала на разных должностях, не требующих диплома, сопровождая мужа. После рождения сына родители развелись, маленький Александр жил с дедом, бабушкой и матерью в г. Харькове, который оказался под немцами. После освобождения Харькова Александра передали ненадолго в семью дяди-москвича, а с 1945 г. до 1951 г. он жил с отцом в г. Риге, окончил там школу и поступил в Ленинграде в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе. Стать военным моряком ему не удалось: помешала болезнь. После 7-месячного лечения в госпитале Александр был демобилизован из ВМФ и в том же году поступил на 3-й курс Ленинградского университета, на географический факультет, кафедру океанологии, сохранив приверженность к морской профессии. В 1958 г. молодой специалист-океанолог распределился в Калининград, где и был принят в состав только что организованного Калининградского отделения Морского Гидрофизического Института АН СССР (КОМГИ). Тогда и начался его долгий путь по прямой траектории от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника и учёного секретаря АО ИО АН с увольнением по причине тяжёлого заболевания. После перевода МГИ в 1961 г. вместе с построенным для него НИС «Михаил Ломоносов» из Москвы в Севастополь, КОМГИ было передано Институту океанологии и превратилось в КО ИО АН СССР, а спустя некоторое время было окончательно переименовано в Атлантическое отделение ИО РАН (АО ИО РАН).

Все годы работы в Атлантическом отделении были насыщены экспедициями, тягу к которым Александр Борисович ощутил ещё в годы учебных практик. До своего первого выхода в экспедиции КОМГИ в научный рейс на «Михаиле Ломоносове» в 1959 г., при заполнении анкеты на получение визы для загранплавания, старший лаборант Зубин указывал внушающий уважение список его участия в плаваниях по Балтике и даже Тихому океану на судах ВМФ и «научниках» в качестве курсанта и инженера-гидролога. Я запомнил, как Алик (именно так он именовался в кругу друзей вплоть до перехода в возрастную категорию 80^{++}) в те годы утверждал, что его мечта работать в море – сбылась, что он счастлив трудиться в должности инженера-гидролога и ему не сильно нужны более высокие должности и учёные степени. Тем не менее, сохранить декларированную *как бы* индифферентность к науке не удалось. Пришлось заняться и защитить кандидатскую диссертацию, а список его научных трудов в конечном счёте достиг 75-ти наименований.

Александр Борисович не был лидером, но в лаборатории гидрологии Атлантики сначала у К. В. Морошкина, потом у В. А. Бубнова и В. Д. Егорихина он был надёжным многоопытным специалистом, отлично справлявшимся с обязанностями начальника отряда гидрологии, игравшего во времена вошедших в историю «буевых» рейсов первостепенную роль. Отряд доблестных «теченцев» готовил к постановке буйковые станции с десятками самописцев течений. В связке с ними работала вся боцманская команда, начинавшая практически сразу после выхода из фарватеров прибрежной зоны подготовку многокилометровых буйрепов, которые сращивались из стальных тросов различного диаметра. Один небрежно сработанный сплесень – и со станцией можно попрощаться. Высокого профессионализма от сборной гидрологов и боцкоманды требовала и работа при постановке и подъёме буев. Тысячекилограммовые нагрузки обязывали к особой внимательности и слаженности коллективных действий, и дирижёром этого оркестра выступал начальник «теченцев». В обязанности отряда входило также скачивание и первичная обработка информации, драгоценной для всей экспедиции и оставшихся на берегу теоретиков и модельеров, открывших для всего мира исключительно большую роль синоптических, мезо- и субмезомасштабных формирований в структуре океанских течений.

Рис. 2 – Л. И. Галеркин, А. Б. Зубин, некто и Б. В. Волостных (семейный архив)

В научной жизни Лаборатории гидрологии – одной из первых, созданных в АО ИО АН СССР, вобравшей в себя прибывший по распределению пионерский состав молодых специалистов-океанологов, был естественный порядок вхождения в профессию, поддержанный руководством ИО АН: подготовка и защита кандидатских

диссертаций на фоне и на базе участия в общеинститутских (преимущественно) научных программах, в которых был востребован практически весь дееспособный научный персонал. Темы диссертаций выбирались с учётом выполняемых заданий и рекомендаций старших коллег. Для научного персонала лаборатории гидрологии Атлантики важную роль сыграли специально приглашённый из головного института для помощи научной молодёжи Юрий Александрович Иванов, тогда ещё кандидат наук, а после его отъезда в родную Москву – Виталий Александрович Бубнов, ставший сначала неформальным научным лидером лаборатории, а спустя несколько лет – полноправным завлабом, сменив на этой должности директора Отделения Кирилла Владимировича Морошкина, который сам начал свою научную работу в отделении с защиты кандидатской диссертации. Виталий Александрович, пользовавшийся полным доверием Кирилла Владимировича, и, что не менее важно, своих сверстников и соратников, ориентировал коллег на гидрологию Атлантики. Кто-то занимался течениями, кто-то кислородом, а Зубину досталась изменчивость температурного поля Северной Атлантики. Но, независимо от защит, все «хором» занимались, как уже было сказано, задачами, вытекающими из участия лаборатории гидрологии Атлантики в общеинститутской тематике, в соответствии с политикой А. С. Монина, стремившегося концентрировать силы на самых актуальных направлениях. Работа поглощала и полностью устраивала весь состав лаборатории. Публикации чаще были коллективными, базируясь на совместно добытых данных, что обеспечивало причастность к решению не придуманных, а реально актуальных научных задач. Калининградцы часто составляли ядро в комплексных экспедициях, поэтому сотрудничество было естественным и плодотворным. Глядя на список научных трудов Зубина, видно, что с его участием состоялось открытие Антило-Гвианского противотечения – одного из истоков течения Ломоносова, совершённое научным коллективом, в который входили Корт, Бубнов и Морошкин (Корт, Бубнов, Зубин, 1972). Вклад в исследования особенностей экваториальных течений в Атлантике и Пацифике – это результат сотрудничества с Бурковым и Гаврилиным (Бурков, Гаврилин, Зубин, 1975), Бубновым, Дубравиным и Морошкиным (Бубнов и др., 1976), Зайцевым и Слободяником (Зайцев, Зубин, Слободяник, 1982). С гидрологической экзотикой – горячими рассолами впадин Красного моря – Зубин познакомился во взаимодействии с Плахиным (Зубин, Плахин и др., 1981) и руководя собственной рейсовой командой (Зубин, Слободяник и др., 1981). С Бубновым, Москаленко и Осадчим выполнялись исследования рингов Гольфстрима (Бубнов, Зубин, 1985; Бубнов и др., 1986). Отдано должное и энергоактивным зонам Атлантики (Бубнов, Зубин, Морошкин, 1987; Голенко, Зубин, Разживин, 1987). Я тоже отметился как соавтор Зубина, когда нам повезло встретить новый тип фронтальной внутритермоклинной линзы в зоне субполярного фронта Северной Атлантики (Бубнов и др., 1991).

Однако наука – наукой, а большинству коллег и соплавателей Зубин запомнится как автор остроумных миниатюр, рассказов и воспоминаний о коллегах (Зубин «Виталий Бубнов…», 2005; Зубин «К 100-летию…», 2019; Зубин «Мои встречи…», 2019), а также сохранённой для ныне действующего и грядущих поколений

Рис. 3 – А. Б. Зубин – «морская душа» (фотография с обложки его книги)

океанологов истории Атлантического отделения (Зубин, 2008). Тяга к литературному труду сохранялась до последних дней его жизни, предельно осложнившейся после обнаружившегося несколько лет назад онкологического заболевания. Последняя публикация А. Б. Зубина была посвящена А. С. Монину (Зубин, Пака, 2021). Недописанной осталась история плаваний НИС «Профессор Штокман», над которой он работал по моей просьбе, мотивированной вкладом «Штокмана» в развитие экспериментальной гидрофизики в приложении к Балтике, Белому морю и ряду прикладных задач.

Александр Борисович Зубин прожил трудную, насыщенную и славную жизнь, он оставил неизгладимый след в умах и сердцах коллег и друзей. Будем помнить и чтить этого неординарного человека!

А. Б. Зубин как писатель и человек

Ю. В. Воробьёва от редакции «Океанологических исследований»

Хотелось бы добавить некоторые штрихи к портрету Александра Борисовича Зубина – неординарного, энергичного, жизнелюбивого, остроумного и талантливого человека – учёного и писателя. С момента возобновления деятельности нашего журнала «Океанологические исследования» Александр Борисович писал для нас как автор и соавтор статьи о своих коллегах-учёных, видных представителях отечественной океанологии. С 2019 года нами опубликованы 4 статьи при авторстве и с участием А. Б. Зубина: «К 100-летию со дня рождения Кирилла Владимировича Морошкина» в первом номере 2019 г. (Зубин, 2019a, с. 230–235), «Мои встречи с Ю. А. Ивановым в Калининграде» во втором номере того же года (Зубин, 2019b, с. 29–32), «К 85-летию Вадима Тимофеевича Паки» (Зубин, 2021, с. 132–144), «Андрей Сергеевич Монин (каким мы его помним)» (Пака, Зубин, 2021, с. 171–178).

Александр Борисович Зубин был целеустремлённым и очень интересным человеком. В детстве он собирался стать сначала историком, потом журналистом (писателем), а потом – уже в юном возрасте – военным моряком. Здоровье не позволило ему закончить обучение в Военно-Морском училище. И, поступив в Ленинградский университет, А. Б. Зубин стал океанологом. Он обожал море и отличался потрясающей работоспособностью, неиссякаемой энергией и жизнелюбием. Ему было неинтересно «просто жить». Как написано о Зубине на сайте его «родного» Отделения: «За время

работы в Атлантическом отделении (А. Б. Зубин) участвовал в 28 рейсах, 13 из них на НИС «Академик Курчатов». Александр Борисович сочетал в себе качества исследователя с практическими навыками. Он виртуозно управлял лебёдкой при любой погоде, будь то постановка буев с самописцами течений или батометрические серии для отбора проб воды. Морякам было спокойнее, когда была его вахта. Между рейсами А. Б. Зубин работал над кандидатской диссертацией и писал научные статьи (более 75) в лаборатории гидрологии Атлантики…» (http://atlantic.ocean.ru/index.php/novosti/item/729-1-marta-2022-g-posle-prodolzhitelnoj-tyazheloj-bolezni-na-90-m-godu-zhizni-skonchalsya-nash-starejshij-sotrudnik-aleksandr-borisovich-zubin).

Сам Александр Борисович писал о себе:

«Прослужил я в АО 59 лет и четыре месяца. Вот так. А из этих 59-ти лет девять провёл в океане (жена подсчитала). Вообще число 59 оказалось для меня каким-то несколько роковым: сколько я прослужил в АО, я написал, но и с женой мы прожили 59 лет и два месяца…» (из частного письма А. Б. Зубина мне, 2021 г.)

Александр Борисович родился в Международный день студентов – 17 ноября. Этот факт его веселил, как будто придавал дополнительно молодости и задора его характеру, он неоднократно отмечал, что живёт не благодаря, а вопреки многочисленным прогнозам врачей и диагнозам – а всему «виной», писал Зубин, «мой упёртый характер (плевать на болезни!)».

Надо сказать, что все мечты Александра Борисовича становились целями. Он «сбывал» их себе сам. В экспедициях раз за разом, снова и снова осуществлялась его мечта об Океане. А мечта быть историком и писателем воплотилась в его литературном творчестве. Я остановлюсь подробнее на двух его книгах – очерках об истории Атлантического отделения ИО РАН – «Между «Сциллой» и «Харибдой»: очерки истории одного небольшого научного учреждения» (2019) и автобиографической книге «Fatum non penis…: иронические записки» (2018).

А. Б. Зубин и история Атлантического отделения ИО АН (ИО РАН)

Александр Борисович Зубин, как сказано выше, работал в Атлантическом отделении с первых дней возникновения учреждения и вплоть до 2000-х годов. Вот как иронично о «стаже» в Отделении и своём возрасте А. Б. Зубин написал в книге «Fatum…» (Зубин, 2018, с. 104):

Ужас!

«Однажды ко мне в кабинет (это когда я учёным секретарём стал) зашла одна наша молодая сотрудница. Зашла она и говорит:

– Александр Борисович, – говорит, – у вас, говорят, в архиве хранится много разных фотографий, отображающих жизнь и работу нашего учреждения. Можно ли их посмотреть? Мы к празднику готовим фотомонтаж по истории нашего учреждения. (Кажется, это было перед восьмым марта, но, может быть, и перед другим «красным днём» календаря).

– Нате, – говорю – смотрите, – и разложил перед ней фотографии.

И вдруг я вижу на одной из фотографий… себя. Снимок самого начала моей работы: 1958 года. Сижу я за столом, работаю (судя по снимку), а рядом лежат бухгалтерские счеты – «персональный компьютер» пятидесятых годов прошлого века.

– Узнаёшь? – спрашиваю я барышню.

– А кто это? – спрашивает она в ответ.

– Как кто? Я, – говорю я, – я. Что, не узнала?

Она посмотрела на меня, потом на фотографию, потом снова на меня и снова на фотографию. Посмотрела ещё раз на меня и сказала:

– Какой ужас!

… А вот как отреагировала на мой возраст другая наша барышня… Впрочем, это было значительно позднее – лет, эдак, через двадцать.

Пришла к нам новая барышня. Пришла, между прочим, в ОК (в переводе с канцелярского – отдел кадров). Я к ней познакомиться зашёл – сами понимаете: «Кадры решают всё!» (был такой лозунг во времена СССР). Знакомлюсь и говорю:

– Вот, – говорю, – Наденька (так новую «кадровичку» зовут), Вы здесь неделю работаете, а я… пятьдесят девятый год – с 1958 года… Вас, – говорю, – тогда и на свете не было.

– Александр Борисович, – говорит она, да так проникновенно говорит, – не только меня не было, моих родителей ещё на свете не было…

Ужас! – Это уже я так подумал…»

Атлантическое отделение было создано 10 мая 1957 года как Калининградское отделение Морского гидрофизического института Академии наук СССР. В 1961 г. организация стала структурным подразделением Института океанологии АН. В книге «Между «Сциллой» и «Харибдой»: очерки истории одного небольшого научного учреждения» (2019) А. Б. Зубин очень подробно и последовательно рассказывает о первых шагах, развитии, «золотом веке» Отделения и перестроечном кризисе, коснувшемся всех учреждений академии наук, о направлениях исследований, экспедициях, научных тематиках, достижениях океанологии того времени, а также о известнейших учёных и директорах АО ИО АН (РАН). Мы узнаем о людях, событиях, задачах, читаем исторические документы того времени, видим приведённую Зубиным «конкретику» – научную работу АО ИО АН СССР в цифрах. Высоко оценил этот масштабный труд В. Г. Нейман, являвшийся также большим почитателем истории отечественной океанологии, он сопроводил «летопись» Зубина положительной рецензией. Также издание истории АО ИО АН поддержал и одобрил академик Р. И. Нигматулин. По его распоряжению (тогда директорскому) «Очерки» Зубина были опубликованы на сайте ИО РАН.

Мы не будем сейчас подробно останавливаться на вехах истории АО ИО РАН. Всё это в мельчайших деталях есть в вышеназванной книге Зубина. Приведём некоторые выдержки из текста «Очерков…», позволяющие погрузиться в историю и прочувствовать атмосферу прошлого, благодаря лёгкому и острому перу Александра Борисовича.

О становлении и развитии научной базы Отделения

«…К концу 1964 года в Отделении работало семь научных групп: Морской геологии и геоморфологии, Динамики берегов, Сейсмоакустики (две последние группы выделились из группы геологии), Гидрологии, Термики моря, Морской метеорологии и Гидрохимии, в которых трудилось 65 человек: 30 научных сотрудников и инженеров, 29 лаборантов и техников, три стажёра-исследователя и три механика. И вот что интересно: на ноябрь 1964 года в Калининградском отделении – совсем небольшом научном учреждении – работали сотрудники **девяти** (!) специальностей: океанологи, метеорологи, физики, гидрохимики, геохимики, геологи моря, картографы, геоморфологи и даже один «специалист по геофизическим методам поиска полезных ископаемых». Наиболее представленными в Отделении были океанологи и геологи моря» (Зубин, 2019, с. 39).

О работе Отделения в период расцвета отечественной океанологии

«За период с 1978 по 1983 гг. по результатам исследований сотрудниками Атлантического отделения самими и в соавторстве с учёными других учреждений опубликовано 365 работ в отечественных и зарубежных научных изданиях, в том числе 6 монографий, 5 атласов, 1 карта и 3 сборника. Результаты научных работ были также представлены в виде докладов на 75-ти всесоюзных и 16-ти международных форумах. В Атлантическом отделении ИО АН исследования ведутся в шести научных подразделениях: Отделе экспериментальных гидрофизических исследований и входящей в него Лаборатории прикладной гидрофизики; Лаборатории геоморфологии и тектоники Атлантики. В настоящее время в АО ИО АН работают один зав. Отделом, 5 зав. Лабораториями, 7 старших и 17 младших научных сотрудников. В их числе: 3 доктора наук (один имеет учёное звание профессора) и 19 кандидатов» (Зубин, 2019, с. 114–115).

«В 1985 году в Отделении – в ОЭГФИ и пяти лабораториях продолжались работы по восьми подтемам (входящим в девять тем Института), семь из которых были на стадии завершения. В том же году сотрудники Отделения (21 человек) приняли участие в шести экспедициях в Балтийском море на э/с «Шельф» и НИС «Александр Курчатов», «Академик Мстислав Келдыш», «Витязь-IV» и «Профессор Штокман» (101 человек). Многочисленные экспедиции не помешали сотрудникам Отделения быть участниками 24-х конференций, выступив с 56-ю докладами. Результаты работ сотрудников Отделения были отражены в 97-ми советских и зарубежных публикациях. А один из циклов научных работ под названием «Геолого-географические исследования дна Атлантического океана», подготовленных с участием заведующего Лабораторией геологии Атлантики профессора Е. М. Емельянова, был выдвинут на соискание Государственной премии СССР. Работы, завершённые в 1985 году, дали важные результаты… (К примеру,) В. А. Бубнов обосновал выделение Экваториальной зоны Мирового океана в самостоятельный регион, имеющий свои специфические черты.

Рис. 4 – Зубин у лебёдки ЛЭРОК (фотоархив семьи)

С. Е. Навроцкая рассчитала процентное содержание северной и южной тропической водных масс в Экваториальной зоне океана и показала, что подповерхностный максимум солёности (весьма важный для знания гидрологии экваториальной зоны) формируется на экваторе в течение всего года.

Интересная работа (вне плана) выполнена В. А. Бубновым и А. Б. Зубиным. Во время двух совместных рейсов: НИС «Витзь-IV» и «Академик Курчатов», где В. А. Бубнов был начальником экспедиции на «Витязе», а А. Б. Зубин – зам. начальника экспедиции на «Курчатове», была прослежена эволюция двухъядерного циклонического вихря Гольфстрима, видоизменившегося за два месяца в ринг и «классический» меандр.

В. Д. Егорихин с М. Н. Кошляковым (ИО АН) по данным экспедиции «Мезополигон-85» описали глубинный антициклонический одиночный вихрь, а А. Б. Зубин в соавторстве с Р. В. Озмидовым (ИО АН) – линзу средиземноморских вод в районе подводных гор Ампер и Жозефин, обнаруженную во время 42-го рейса НИС «Академик Курчатов». Кроме этого, ими же была исследована структура вод в районе схождения арктической воды и воды Западношпицбергенского течения и показано, что в этом месте формируется атлантическая глубинная вода.

Р. В. Абрамов с коллегами создали «Атлас полей температуры поверхности океана (ТПО) в Ньюфаундлендской энергоактивной зоне (ЭАЗО)» (Зубин, 2019, с. 130–131).

Рис. 5 – С проф. Анучиным и проф. Озмидовым (фотоархив семьи)

А вот немного «особенностей» работы Отделения именно в советское время, где, помимо науки, учёным приходилось заниматься, к примеру,… сельским хозяйством. Или то и дело сталкиваться, а то и «воевать», с разными «надзорными» органами, комиссиями, проверками.

«К сожалению, много времени, которое можно было бы потратить с пользой для научного творчества, в те достопамятные времена «советской власти» уходило на деятельность, ничего общего с наукой не имеющую. Чего стоила, например, так называемая «помощь» сельскому хозяйству (особенно летом – во время «битвы за урожай»), когда научных сотрудников в добровольно-принудительном порядке посылали на прополку или сбор «сельскохозяйственных культур». Вот, например, протокол заседания дирекции Отделения от 7 августа 1974 года, посвящённый как раз этой самой помощи с/х: «*О помощи сельскому хозяйству области в порядке организации выезда в колхоз. Информацию провёл В. Т. Пака – о выделении сотрудников АО ИО АН для работы в колхозе «Рассвет» в количестве 10 человек ежедневно. Особое внимание обращено на дисциплину. Предполагается выделить 6 бригад для работы в колхозе «Рассвет». Каждая бригада должна отработать по неделе. После отработки предоставлять два отгульных дня (так как суббота и воскресенье включаются в рабочие дни в колхозе). Рабочий день – 8 часов. Всего организовать фактически 7 бригад (одна бригада резервная) и 7 бригадиров*». Что в это время делали колхозники – не известно» (Зубин, 2019, с. 93).

«Почему-то совершенно забылась ещё одна общественно-принудительная «организация»: ГНК – группа так называемого «народного контроля». Долгие годы эту группу возглавлял Борис Менделевич Ром. «Работа» этой группы тщательно курировалась партийными органами. «Народный контроль» призван был выявлять всякого рода нарушения, главным образом, в сфере материальной деятельности, но не только. «Следить» ГНК должна была и за нарушениями на поприще науки, а потом отчитываться перед вышестоящими организациями «контроля» о конкретных деяниях по выявлению «нарушителей». Иногда эти вышестоящие организации и сами совершали «набеги» на Отделение. Читать их заключения было сплошным удовольствием. Отметив достижения сотрудников АО ИО АН в выполнении научных исследований, проверяющие вместе с тем указывали на «имеющие место недостатки». Например: *«Формулировки ожидаемых результатов работ… зачастую обозначают незавершённость действия («Будут составлены»..., «Должны быть выявлены факторы»... и т.п.)».* Вероятно, планируя работы, в частности, в экспедициях, надо было чётко и конкретно указывать, сколько и каких мезомасштабных вихрей будет наблюдено и исследовано, сколько новых биологических объектов или подводных гор в океане открыто и т.д.» (Зубин, 2019, с. 100).

В свои книги Александр Борисович включал любопытные, забавные факты и истории юмористического характера. Например, вот несколько таких историй.

О быте сотрудников открывшегося Отделения

«…В общежитии была введена пропускная система. Руководство КТИ (или общежития) потребовало введения пропусков и для сотрудников Отделения. Естественно, молодому лаборантскому составу КОМГИ эта идея не показалась такой уж блестящей. Во-первых, за фотографии на пропуска надо было платить, а большинство сотрудников были бедны, как церковные мыши. Во-вторых, не очень-то хотелось куда-то идти фотографироваться… Но… «голь на выдумки хитра»! В то время существовал такой – очень неплохой журнал «Польша». И вот, в одном из номеров этого журнала была найдена большая семейная фотография, размеры лиц на которой соответствовали снимкам, необходимым для пропусков. Из этой большой семейной фотографии мы нарезали столько отдельных – персональных «фотографий», сколько нам было нужно (признаюсь – идея была моей). Заполнив пропуска с фамилиями сотрудников КОМГИ и приклеив к ним «фотографии» соответственно половой принадлежности, мы пошли к коменданту – подписывать пропуска и ставить на них печати. На мой пропуск была приклеена «фотография» пожилого и весьма респектабельного и почтенного господина. Когда комендант – игривая молодящаяся дама бальзаковского возраста – подписывала пропуска, она задержалась на моём пропуске и, посмотрев на «мою» «фотографию», сказала: «Сразу видно – большой учёный!» Я не стал возражать. С этими «пропусками» сотрудники Отделения ходили на работу вплоть до переезда в своё собственное здание…» (Зубин, 2019, с. 22).

О знакомстве с директором К. В. Морошкиным

…Шёл разговор об океанологии. Меня представили незнакомцу, сказав, что я недавно вернулся из рейса и привёз готовый рейсовый отчёт – чудо для БалтНИРО и Промразведки (обычно отчёты сдавались через полтора–два месяца после прихода судна). Через некоторое время Кирилл (так, оказалось, звали незнакомца) обратился ко мне:

– Послушай, дружище, я назначен директором Калининградского отделения ИО АН, слышал о таком? Переходи ко мне – в Академию наук. Беру тебя на работу. Старшим инженером, Мне нужны хорошие специалисты.

Я вежливо поблагодарил нового знакомца за высокую оценку своей персоны и сказал, что, в общем-то, именно там, куда он меня приглашает, я и работаю. Старшим, но не инженером, а лаборантом. Кирилл Владимирович Морошкин несколько смешался (панибратство, как оказалось, с подчинённым – нехорошо), но слово своё по вступлении в должность сдержал – вскоре я действительно стал старшим инженером (Зубин, 2019, с. 272).

Рис. 6 – Зубин думает о… многом (фотоархив семьи)

О «смутном времени»

«Начало 90-х годов, казалось, даст новый всплеск научной активности сотрудников. Исчез прессинг и «опека» со стороны партийных органов, стало легче дышать, однако резко уменьшилось финансирование науки в целом и Академии наук, ставшей Российской, в частности. Замечательные научно-исследовательские суда стали на прикол – не было средств ни для их эксплуатации, ни для их содержания. А 15-го марта 1990 г. Президент Академии наук Г. И. Марчук подписал «эпохальное» (для «плавающих» НИИ РАН) Распоряжение № 2-10111-2816/388 «О сокращении числа морских загранэкспедиций». Однако путём неимоверных усилий научно-исследовательский флот Института океанологии, приписанный к Отделению, был сохранён (Зубин, 2019, с. 147).

«Из Атлантического отделения начали уходить (некоторые – совсем, некоторые – до лучших времён) молодые научные сотрудники, аспиранты и опытные ИТР. Они шли в бизнес, в частные структуры, уезжали за границу… Казалось, Отделение вот-вот прекратит своё существование. Но, несмотря на «смутные» времена, Атлантическое отделение продолжало работать. В это время с наилучшей стороны показали себя «старики» Атлантического отделения во главе с В. Т. Пакой, составляющие костяк Отделения, а также часть сотрудников среднего поколения, на плечи которых и легла забота о сохранении Отделения как научной организации. Пришлось, правда, сменить некоторые приоритеты и ориентиры:

вместо Мирового океана взгляды научных сотрудников Отделения обратились на Балтийское море, что было, в общем-то, не так уж скверно – Балтийское море перестало быть для океанологов «сиротой». И ещё: выжить Отделению помогло верное направление исследований, в которых приняли участие практически все лаборатории, – экология. Экология, которая была позарез нужна новой России. Отделение стало одним из инициаторов и главным исполнителем мониторинга районов Балтики с затопленным после двух мировых войн химическим вооружением: снарядами и бомбами, заполненными отравляющими веществами. Это химическое оружие затапливалось как целыми баржами и пароходами, так и «врассыпную» всеми странами, принимавшими активное участие в войнах. При этом никто из них не оставил карт с районами подводных «подарочков». Пришлось эти районы разыскивать…

…Денег на морские экспедиции ни у Института океанологии, ни у Академии наук в целом, уже не хватало. Сотрудникам Отделения приходилось участвовать в экспедициях, организуемых на судах Института океанологии другими – более богатыми – ведомствами или… туристическими фирмами. Именно с этих пор началась эпопея перехода новых судов ИО АН в новое же для них качество – круизных» (Зубин, 2019, с. 148). «К концу 1991 г. в лабораториях Атлантического отделения осталось 42 научных сотрудника (Там же, с. 157).

«Отсутствие средств на финансирование рейсов, в том числе на зарплату экипажей судов, привело к тому, что НИС «Акдемик Иоффе» был арестован в Порту-Стэнли Фолклендских островов. Команда «Иоффе» из-за невыплаты зарплат (в инвалюте) написала открытое письмо директору Института и пообещала объявить голодовку. Лишь в самом конце июня 1994 года НИС «Академик Иоффе» был освобождён из-под ареста. Остальные суда «распределились» кто куда: НИС «Академик Курчатов» повёз «кататься» космонавтов по европейским странам (по программе «Космос – землянам»), НИС «Академик Мстислав Келдыш» был задействован МЧС РФ для исследования района гибели АПЛ «Комсомолец», НИС «Профессор Штокман» предполагалось использовать для… практики юных моряков (заседание дирекции от 6 июня 1994 года)…» (Зубин, 2019, с. 166).

Но, к счастью, «смутное время» прошло. Понемногу всё наладилось. Ещё одним важным этапом жизни учёных в «смутные» годы была долгая и изнурительная борьба Отделения и всех неравнодушных за сохранение легендарного «Витязя-III». Этой битве в книге Александра Борисовича об АО ИО РАН посвящена одноименная глава. Но, думаю, что не все знают предысторию судна, оно ведь могло и не дожить до репараций. И не было бы у нас нашего «Витязя». Эту историю я обнаружила во второй книге А. Б. Зубина «Fatum…» (2018). Помещаю её в сокращении.

ISSN (online): 2587-9634 / ISSN (print): 1564-2291
Океанологические исследования. 2022. Том 50. № 3. С. 150–171

«Лётчики Кёнигсберга»

Среди ветеранов войны, работавших в нашем Институте, было четверо бывших лётчиков: двое – в самом Институте, двое – в Калининградском филиале…

(Воспоминание одного из лётчиков – ред.).

Была ранняя весна 1945 года – война подходила к концу. Однако восточно-прусская группировка немецких войск ещё сопротивлялась, причём активно, нашим войскам. Из порта Пилау (ныне Балтийск) каждый день уходили корабли: военные с военными грузами и военной техникой и гражданские – с ранеными и беженцами. Разбираться, кто из них кто, не было ни времени, ни особого желания. Все они подлежали уничтожению. И вот, в середине апреля бомбардировщик Ил-4, на котором будущий член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Лисицын был штурманом, вылетел «на охоту» над Балтийским морем в районе Кёнигсберга-Пилау – «отлавливать» и топить суда противника, уходящего из окружённой группировки. Вскоре экипаж бомбардировщика увидел большое красивое судно, вышедшее из Пилау, причём без боевого сопровождения.

– Приготовиться к бомбометанию, – приказал командир штурману (наведение на цель и её уничтожение было обязанностью штурмана).

Тот посмотрел вниз и увидел идущее «под всеми парами» судно явно не военного вида. И так ему стало жаль это прекрасное судно, которое должно было пойти на дно от его бомб…, так жаль, что он подумал: «Ну, зачем его топить, война кончается, ну, что там они могут увезти? Несколько сотен людей, которые уже явно не будут воевать…». И он решил нарушить приказ – бомбы посыпались мимо судна.

– Штурман, что с тобой? Первый раз такой промах! – Удивился командир.

Всё же экипаж решил посмотреть, что за судно они «упустили». На бреющем полете Ил-4 облетел судно и штурман прочёл его название: «Марс» (потом стало известно, что это был последний рейс «Марса» – бывшего банановоза, который вывозил беженцев из окружённого Пилау).

После войны «Марс» в качестве «трофея» оказался в Советском Союзе и был переоборудован в научно-исследовательское судно для Института океанологии АН СССР, где после окончания МГУ стал работать бывший штурман, ставший морским геоморфологом. На этом знаменитом во всем мире

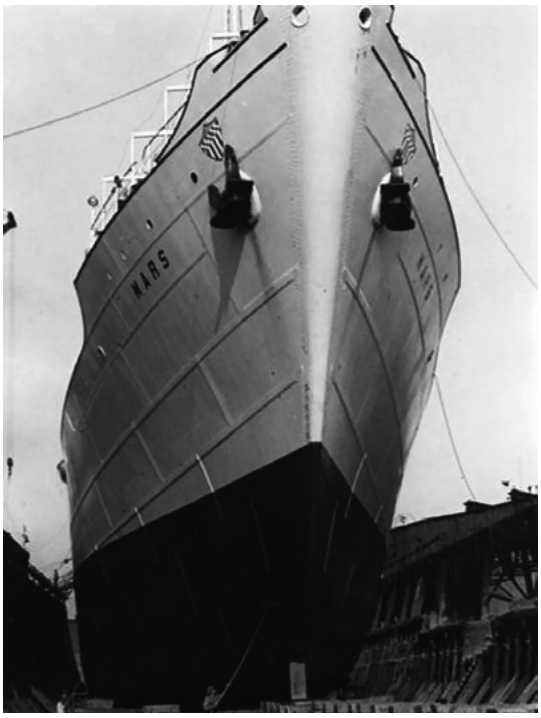

Рис. 7 – Трофейное судно «Марс» в доке Бремерхафена, Германия, 1939 г. (фотография из архива В. Г. Неймана)

научно-исследовательском судне, получившим название «Витязь», бывший штурман, а потом известный учёный, много, много раз участвовал в экспедициях в Мировой океан…» (Зубин, 2018, С. 190).

С 1946 по 1979 гг. для Академии наук НИС «Витязь» совершил 65 рейсов в Тихом, Атлантическом и Индийском океанах. Судно прошло около 800 тысяч миль, затратив более 5000 суток – примерно 14 лет непрерывного экспедиционного времени, занимаясь комплексными исследованиями по всем направлениям океанологии. Как писал Александр Борисович и многие другие учёные, «Витязь» – легендарное судно. Его непременно нужно было сохранить. Это, к счастью, удалось.

Иронические записки А. Б. Зубина о жизни, о людях и о… себе по книге «Fatum non penis» (Калининград, 2018)

Александр Борисович любил наблюдать за людьми. Они его интересовали, удивляли, смешили, восхищали, иногда – шокировали. В его зарисовках и очерках можно найти настоящую галерею человеческих типов и различных забавных ситуаций. И, конечно, лёгкие по стилю и одновременно глубокие по содержанию мысли о жизни. К своим биографическим запискам А. Б. Зубин относился с юмором, называя их «дребеденьками». Однако любая из его историй – это всегда меткие суждения, цепкие детали и колкие формулировки, остроумие и неповторимый шарм. Александр Борисович, или Алик, как звали его друзья, безусловно, талантливый и интересный рассказчик. Приведу подборку историй из «Fatuma» (Зубин, 2018) о людях, о жизни и о самом авторе – А. Б. Зубине.

Дребедень

«Возраст есть возраст. Сидишь вот так: либо на работе – за компьютером, либо дома – за телевизором, а из придонных глубин памяти вдруг выскакивают, завалявшиеся между редкими извилинами, какие-то случаи, анекдоты, рассказы друзей и знакомых. Назвать это воспоминаниями – рука не поднимается. Ну, какие это воспоминания, так… чепуха какая-то, **дребедень**, одним словом. Лезет эта дребедень из головы, когда захочет и где захочет, «строить и жить» мешает. При этом одна дребедень зачастую тянет за собой другую. Вот я и стал, чтобы от них избавиться, их записывать: выскочила дребедень – записал и забыл, место в голове и освободилось. Поэтому и расположены отдельные дребедени не в каком-то там строгом порядке: хронологическим или каком-либо ином, а по мере их «выскакивания» из головы. Уж, не обессудьте…» (Зубин, 2018, с. 102).

Уж

«Наша академическая организация, куда я попал после окончания университета, родилась в 1958 году. Своего здания она не имела, и мы ютились в здании общежития одного из учебных заведений города. Общежитие было большим, с громадными

коридорами, покрытыми чем-то асфальтовым. Мы занимали несколько комнат, в одной из которых была библиотека. Не знаю, что было в этой комнате «до того», но дверь в ней была железной и открывалась наружу, в коридор. Библиотекарем у нас была весёлая и разбитная барышня по имени Нина (прозвище – Нинон). Казалось, она никого и ничего не боится. Но, как оказалось, это только казалось…

Рис. 8 – «…А что мы делаем – не скажем»! А. Б. Зубин (слева) и В. Т. Пака (справа) (фотоархив семьи)

Рядом с общежитием, где мы «дислоцировались», был парк с небольшим таким озерком. В те далёкие времена вода в озерке была чистой, и мы в обеденное время бегали туда купаться (естественно, речь идет о лете). Так и в этот раз: вдвоём с коллегой и приятелем Вадимом мы побежали искупнуться. Здесь Вадим, плавая, столкнулся с плывущим ужом и «заполонил» его. На берегу, одевшись, Вадим обвязал ужа под рубашкой вокруг шеи (на манер шейного платка) и так с ужом мы и пришли на работу. Зачем-то нам с Вадимом понадобилось в библиотеку. Разговаривая с Нинон, Вадим наклонился к ней, а уж (вот уж, воистину, гад!) высунул голову из-под рубашки Вадима и, высунув язык, сказал: «Ш-ш-ш». То, что происходило дальше, трудно описать словами. Нинон, явно потеряв дар речи, пискнула, упала на коленки и поползла к двери. Открыв стальную дверь головой, она выползла в коридор, проползла ещё пару-тройку метров, и тут к ней вернулся голос. Это был звук пожарной сирены…

Ну, откуда мы могли знать, что Нинон боится ужей? Не разговаривала с нами Нинон около месяца». (Зубин, 2018, с. 151).

Любознательность

«Осень, 1973 года. Буэнос-Айрес. Мы, несколько человек (включая двух барышень) – сотрудников экспедиции на научно-исследовательском судне «Академик Курчатов», гуляем по центру города. Страной, как мы знаем, правит военная хунта или как это там называется. Одним словом, генералы. Их превосходительства. Ну, нам-то что? Мы гуляем. Видим большой помпезный дом, у подъезда которого прогуливаются двое солдат с небольшими «карманными» автоматами, болтающимися на запястьях (вроде барсеток). С обоих концов здания стоят металлические, не очень высокие, столбы с закреплёнными на них плакатами типа времён немецкой оккупации:

«Ахтунг!». А что ещё написано на плакатах, – непонятно. Тем более, язык-то испанский. Пришлось подойти и со словарём переводить: а чтой-то там накарябано. Солдатики заинтересовались, перестали «гулять» вдоль дома и как-то странно уставились на нас. Наконец мы перевели «столбовые» надписи: «Не подходить ближе, чем на 10 метров. Не останавливаться. Огонь на поражение открывается без предупреждения». (Зубин, 2018, с. 230).

Инструкция

Мне пришлось на нескольких наших научно-исследовательских судах участвовать в их первых – испытательных – рейсах. В том числе и на НИС «Дмитрий Менделеев». Случилось так, что в этом рейсе я оказался одним из самых опытных гидрологов, и мне пришлось писать инструкцию по работе на гидрологических лебёдках. Написал я эту инструкцию и забыл о ней: работать надо было, судно осваивать. Однако пришлось мне и во второй рейс на «Менделееве» идти. А надо сказать, что я немного нарушал правила поведения на судах: я в каюте выключал «спикер» – судовое радио. «Слава Богу, – думал я, – пол жизни в море – и так всё знаю. Ну, что я новое услышу? А ежели вдруг совещание какое, так меня и по телефону высвистят». Ну, вот. Начали работать. И на первой же гидрологической станции («станция» – это остановка судна для производства забортных работ), только-только стал я к «родной» лебёдке – серию батометров (гидрологических приборов) за борт опускать, как подходит ко мне новый старший помощник капитана и говорит:

Рис. 9 – Постановка автономной буйковой станции. НИС «Академик Курчатов», 70-е годы (из личного архива А. Б. Зубина)

– А вот вам я запрещаю на лебёдке работать. Вы инструкцию по правилам работы на лебёдках не изучили и под ней не расписались, – и добавляет с укоризной, – мы ведь об этом по спикеру объявляли.

– Голубчик, – говорю я, – да ведь я эту самую инструкцию и писал. Я и только я. Каких-нибудь полтора месяца назад, в первом рейсе. Что ж мне, свою собственную инструкцию изучать?

– Это ваши проблемы, – говорит старпом, – изучать или не изучать, но пока подписи вашей там не будет, к работе не допущу.

Пришлось мне под своей собственной инструкцией расписываться… (Зубин, 2018, с. 209)

Почему люди такие самоуверенные?

Заметили ли вы, господа, одну человеческую странность? Когда речь заходит о смерти (пардон, конечно, но ведь все там…), то ли собственной, то ли своих близких – ну, там – мужа, жены, родителей, человек всегда вздымает очи вверх? «Я **сверху** всё буду видеть…» или «ему (ей) **сверху** видно…» и т.д. Кто-нибудь видел, чтобы говорящий опускал очи долу? Лично я – никогда! Так почему – **ВСЕ** считают себя праведниками? А что **ВНИЗ** никто не собирается? Я один? (Зубин, 2018, с. 232)

Завершает свои записки Александр Борисович рассказом о себе и вызовах, которые ему раз за разом бросали жизнь и смерть.

Последняя дребеденька или «А кто же я?»

…Я Воспитан Бабушкой и Дедом – людьми, родившимися действительно в XIX веке. Родились-то они всего-то через 43 года после гибели Пушкина и через 68 лет после Отечественной войны 1812 года. Соответственно и воспитание у них досоветское. Вот и я такой же. Поэтому меня в магазинах и на рынке все продавцы со второго раза узнают. Я поинтересовался – почему? Знаете, что они сказали?

– Да ведь **только вы один** из всех покупателей здороваетесь, прощаетесь и, мало того, всегда говорите «пожалуйста» и «спасибо».

Но это ещё не всё. Главное, что я живу вопреки всем врачебным прогнозам. По их мнению, я давно должен был того… Ну, вы меня поняли. В 1953 году, когда меня – курсанта третьего курса Военно-Морского училища – приволокли в Первый Военно-Морской госпиталь (между прочим, ордена Ленина), первое, что мне сказали:

– О море забудьте. И привыкайте к мысли, что в лучшем случае вы будете ходить на костылях (*я проходил в море 40 лет и если и забыл, то о костылях).*

23 года назад я побывал в ЦИТО, где моё родное костяное бедро заменили на стальное. Так вот, первое, что я там услышал, было:

– А где коляска, на которой вас привезли? Не может быть, что бы вы пришли своими ногами – это, судя по снимку, исключено *(но я-то пришёл САМ).*

Уже в наше время, попав в «родной» Блохинский центр, я узнал (это сказали сыну, который меня сопровождал), что жить мне осталось не более ТРЁХ месяцев. Я даже им на всякий случай написал: *«Не огорчайтесь, если вдруг мой не осилите недуг, и я умчусь как ветер вниз – туда, куда не нужно виз, и передам, не сыпля пепла, вам пламенный привет из пекла».* Но я их жестоко обманул – живу… **восьмой** ГОД!

Да и вообще, если подсчитать, сколько раз я был на волосок от… «девушки с косой»… Это и козел (настоящий – с рогами и тоже настоящими), долбанувший меня в висок, и коварная река Уча, и юный эсэсовец, так хотевший в меня стрельнуть… (Обо всём этом написано в книге Зубина ”Fatum…”, 2018 г.). Я уже не говорю о работе на палубе, когда, например, лопнувшим десятимиллиметровым тросом мне – ну совсем чуть-чуть не снесло голову. Только ухо оцарапало. Да и в быту всякое бывает. Недавно, лет семь-восемь назад, шёл я по столице нашей Родины. Был март месяц. С крыш

капало. Сосульки висели. И вот иду я, значит, «никого не трогаю», как вдруг сантиметров в десяти передо мной падает…, нет, сосулькой то, что упало, назвать трудно. Это был ледяной «кол» в верхней части диаметром порядка **десяти** сантиметров и с таким концом, который вонзился в асфальт так, как будто бы он был железным. Несколько мгновений «сосулька» раскачивалась как маятник, а затем упала и разбилась. Я, переступив через обломки, пошёл себе дальше. Навстречу же мне шла женщина. И вдруг она начала медленно опускаться на тротуар. Я кинулся к ней:

– Вам плохо? Вызвать скорую?

– Нет, спасибо, мне просто нехорошо стало – вас ведь чуть не убило (Зубин, 2018, с. 234).

Рис. 10 – 1971 г. Остров Южная Георгия. А. Б. Зубин беседует с одним из коренных жителей острова. Вдали (за заливом) – Грютвикен (из личного архива А. Б. Зубина)

Примерно полгода не дожил Александр Борисович Зубин до своего 90-летия в Международный день студентов 17 ноября 2022 года. Его основной онкологический диагноз был осложнён ковидом. Это уже оказалось «слишком» даже для «упёртого» бойца с невзгодами судьбы – Зубина. Но знаете, что особенно важно и ценно…

Александр Борисович всегда умел именно Жить, находиться в моменте, ощущать все события не поверхностно, «проходящими мимо», как из окна вагона, а непосредственно «изнутри». Жить, проживая, смакуя мгновения. Я буду помнить Александра Борисовича именно таким – учёным, писателем и находчивым, жизнелюбивым человеком, который всё воспринимал с юмором и никогда не сдавался, впитывал Жизнь каждой клеткой тела и души.

Благодарности. Благодарим семью А. Б. Зубина за предоставленные фотографии.

Основные публикации А. Б. Зубина

1. *Корт В. Г., Бубнов В. А., Зубин А. Б., Морошкин К. В.* Динамическая структура района Антило-Гвианского противотечения // Докл. АН СССР. 1972. Т. 207. № 6. С. 1456–1459.
2. *Бурков В. А., Гаврилин Б. Л., Зубин А. Б.* О двухъядерной структуре экваториальных восточных подповерхностных течений в западной части Тихого океана // Океанология. 1975. Т. 15. № 4. С. 599–605.
3. *Бубнов В. А., Дубравин В. Ф., Зубин А. Б., Морошкин К. В.* О распределении океанологических характеристик на меридиональных разрезах экваториальной зоны Атлантики в связи динамикой вод // ТРОПЭКС-74. Л.: Гидрометеоиздат, 1976. Т. 2. С. 90–105.
4. *Зубин А. Б.* Об определении гидрологических сезонов (на примере северной части Атлантического океана) // Океанология. 1979. Т. 19. № 1. С. 38–42.
5. *Зубин А. Б., Плахин Е. А., Слободяник В. М., Соболь В. К.* О течениях южной части Красного моря в зимний период // Океанология. 1981. Т. 21. № 4. С. 619–623.
6. *Зубин А. Б., Слободяник В. М., Соболь В. К., Федорова В. С.* О гидрологических условиях в Красном море в зимний период // Океанология. 1981. Т. 21. № 5. С. 802–807.
7. *Зайцев А. А., Зубин А. Б., Слободяник В. М.* Течения в экваториальной Атлантике Северного полушария весной // Изменчивость океана и атмосферы в экваториальной Атлантике (исследования по программе ИГЭП). М.: Наука, 1982. С. 36–41.
8. *Бубнов В. А., Зубин А. Б.* Эволюция циклонического вихря Гольфстрима // Докл. АН СССР. 1985. Т. 282. № 6. С. 1470–1472.
9. *Бубнов В. А., Зубин А. Б., Москаленко Л. А., Осадчий А. С.* Исследование эволюции циклонического вихря Гольфстрима // Океанология. 1986. Т. 26. № 5. С. 732–737.
10. *Бубнов В. А., Зубин А. Б., Морошкин К. В.* Гидрологические условия в энергоактивной зоне Гольфстрима зимой и летом 1984 г. // Изменчивость гидрологической структуры и теплообмена с атмосферой в Гольфстриме. М., 1987. С. 137–154.
11. *Голенко Н. Н., Зубин А. Б., Разживин В. А.* Гидрологические условия в районе водораздела Норвежского, Гренландского и Баренцева морей летом 1985 года. В кн.: Структура гидрофиз. полей Норвеж. и Гренланд. морей. М., 1987. С. 18–23.
12. *Бубнов В. А., Бышев В. И., Волостных Б. В., Голенко Н. Н., Егорихин В. Д., Зубин А. Б., Пака В. Т.* Фронтальная внутритермоклинная линза // Докл. АН СССР. 1991. Т. 317. № 2. С. 453–458.
13. *Зубин А. Б.* Виталий Бубнов и Владимир Егорихин – ведущие гидрологи Атлантического отделения (воспоминания друзей). Научно-популярная брошюра. Калининград: Изд. КГУ, 2005. 100 с.
14. *Зубин А. Б.* Fatum non penis… (иронические записки). Калининград, 2018. 240 с.
15. *Зубин А. Б.* Между «Сциллой» и «Харибдой»: очерки истории одного небольшого научного учреждения. 2-е изд. Германия: Lambert Academic Publishing, 2019. 366 с.
16. *Зубин А. Б.* От КОМГИ до АО (к истории небольшого научного учреждения). Калининград: АО ИО РАН, 2008. 120 с.
17. *Зубин А. Б.* К 100-летию со дня рождения Кирилла Владимировича Морошкина // Океанологические исследования. 2019a. Т. 47. № 1. С. 230–235.
18. *Зубин А. Б.* Мои встречи с Ю. А. Ивановым в Калининграде // Океанологические исследования. 2019b. Т. 47. № 2. С. 29–32.
19. *Зубин А. Б., Пака В. Т.* Андрей Сергеевич Монин (каким мы его помним) // Океанологические исследования. 2021. Т. 49. № 3. С. 171–178.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022, одобрена к печати 21.11.2022.
Для цитирования: *Пака В. Т., Воробьёва Ю. В.* Памяти Александра Борисовича Зубина – учёного-гидролога, историографа Атлантического отделения ИО РАН, писателя (17.11.1932–01.03.2022) // Океанологические исследования. 2022. Т. 50 (3). С. 150–171. https://doi.org/10.29006/1564-2291.JOR-2022.50(3).9.

IN MEMORY OF ALEXANDER BORISOVICH ZUBIN – SCIENTIST-HYDROLOGIST, HISTORIOGRAPHER OF THE ATLANTIC BRANCH OF IO RAS, WRITER (17.11.1932–01.03.2022)

V. T. Paka, Yu. V. Vorobyeva

Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences,
36, Nakhimovskiy prospekt, Moscow, 117997, Russia,
e-mail: vpaka@mail.ru

In November 2022, the Atlantic Branch of the Institute of Oceanology intended to celebrate the 90th anniversary of its veteran, **Alexander Borisovich Zubin**, who began working in the year of foundation the institute's branch in Kaliningrad, 1958, as a member of its starting staff. With a diploma in oceanology from Leningrad University, Zubin has come a long way from a senior laboratory assistant to a senior researcher, a participant in many major scientific projects of the Institute of Oceanology aimed at studying the circulation and structure of the waters of the World Ocean, and in recent decades served as the scientific secretary of the Atlantic Branch. In this position, he proved himself as a historiographer of the scientific institution to which he served all his life and a talented popularizer of the glorious profession of a scientist-mariner. Life and work of A. B. Zubin is an example of selfless service to the beloved work both in the period of its formation and flourishing, and in the difficult years of the decline of the activity of domestic oceanology.

Keywords: Institute of Oceanology, Atlantic Branch, Laboratory of Hydrology of the Atlantic, currents, water structure

Acknowledgment: We thank the family of A. B. Zubin for the photos provided.

The main publications of A. B. Zubin

1. Kort, V. G., V. A. Bubnov, A. B. Zubin, and K. V. Moroshkin, 1972: Dynamic structure of the Antilo-Guiana countercurrent region. *Dokl. Academy of Sciences of the USSR*, **207** (6), 1456–1459.
2. Burkov, V. A., B. L. Gavrilin, and A. B. Zubin, 1975: On the dual-core structure of the equatorial eastern subsurface currents in the western part of the Pacific Ocean. *Oceanology,* **15** (4), 599–605.
3. Bubnov, V. A., V. F. Dubravin, A. B. Zubin, and K. V. Moroshkin, 1976: *On the distribution of oceanological characteristics in meridional sections of the equatorial zone of the Atlantic in relation to water dynamics*. TROPEKS-74. Leningrad, Gidrometeoizdat, **2**, 90–105.

4. Zubin, A. B. On the definition of hydrological seasons (on the example of the northern part of the Atlantic Ocean). *Oceanology*, 1979, **19** (1), 38–42.
5. Zubin, A. B., E. A. Plakhin, V. M. Slobodyanik, and V. K. Sobol, 1981: On the currents of the southern part of the Red Sea in winter. *Oceanology*, **21** (4), 619–623.
6. Zubin, A. B., V. M. Slobodyanik, V. K. Sobol, and V. S. Fedorova, 1981: On the hydrological conditions in the Red Sea in winter. *Oceanology*, **21** (5), 802–807.
7. Zaitsev, A. A., A. B. Zubin, and V. M. Slobodyanik, 1982: *Currents in the equatorial Atlantic in the spring of the northern hemisphere. Variability of the ocean and atmosphere in the equatorial Atlantic (research under the IGEP program).* Moscow, Science, 36–41.
8. Bubnov, V. A. and A. B. Zubin, 1985: Evolution of the cyclonic eddy of the Gulf Stream. *Dokl. Academy of Sciences of the USSR*, **282** (6), 1470–1472.
9. Bubnov, V. A., A. B. Zubin, L. A. Moskalenko, and A. S. Osadchiy, 1986: Study of the evolution of the cyclonic vortex of the Gulf Stream. *Oceanology,* **26** (5), 732–737.
10. Bubnov, B. A., A. B. Zubin, and K. V. Moroshkin, 1987: *Hydrological conditions in the energy-active zone of the Gulf Stream in winter and summer of 1984. Variability of the hydrological structure and heat exchange with the atmosphere in the Gulf Stream.* Moscow, 137–154.
11. Golenko, H. H., A. B. Zubin, and V. A. Razzhivin, 1987: Hydrological conditions in the area of the watershed of the Norwegian, Greenland and Barents seas in the summer of 1985. *Structure of hydrophys fields of Norway and Greenland Seas*, Moscow, 18–23.
12. Bubnov, V. A., V. I. Byshev, B. V. Volostnykh, N. N. Golenko, V. D. Egorikhin, A. B. Zubin, and V. T. Paka, 1991: Frontal intrathermocline lens. *Dokl. Academy of Sciences of the USSR*, **317** (2), 453–458.
13. Zubin, A. B., 2005: *Vitaly Bubnov and Vladimir Yegorikhin are the leading hydrologists of the Atlantic Branch (reminiscences of friends)* [Popular science brochure] Kaliningrad, KGU, p. 100.
14. Zubin, A. B., 2008: *From KOMGI to AO (on the history of a small scientific institution).* Kaliningrad, AO IO RAN, 120 p.
15. Zubin, A. B., 2018: *Fatum non penis… (ironic notes)*. Kaliningrad, 240 p.
16. Zubin, A. B., 2019: *Between "Scylla" and "Charybdis": essays on the history of a small scientific institution*. 2nd ed. Germany, Lambert Academic Publishing, 366 p.
17. Zubin A. B., 2019a: On the occasion of the 100th anniversary of the birth of Kirill Vladimirovich Moroshkin. *Journal of Oceanological Research*, **47** (1), 230–235.
18. Zubin, A. B., 2019b: My meetings with Yu. A. Ivanov in Kaliningrad. *Journal of Oceanological Research*, **47** (2), 29–32.
19. Zubin, A. B. and V. T. Paka, 2021: Andrey Sergeevich Monin (as we remember him). *Journal of Oceanological Research*, **49** (3), 171–178.

Submitted 21.10.2022, accepted 21.11.2022
For citation: Paka, V. T. and Yu. V. Vorobyeva, 2022: In memory of Alexander Borisovich Zubin – scientist-hydrologist, historiographer of the Atlantic Branch of IO RAS, writer (17.11.1932–01.03.2022). *Journal of Oceanological research*, **50** (3) 150–171. https://doi.org/10.29006/1564-2291.JOR-2022.50(3).9.